

Тихомиров П. В. Странная философия. [Рец. на:] Герасимов Н. Философия сознания бытия бесконечного. М., 1898 // Богословский вестник 1898. Т. 4. № 10. С. 103–115 (2-я пагин.).

Странная „философія“.

(Критическая замѣтка).

Н. Герасимовъ, Философія сознания бытія Безконечнаго. Москва. 1898 г.
Стр. 166.

Г. Герасимовъ во введеніи къ своей небольшой книжкѣ не указалъ точно ни предмета, ни задачи своей работы. Громкое заглавіе книжки далеко не точно соотвѣтствуетъ ея содержанію. Ближайшее-же ознакомленіе съ послѣднимъ показываетъ, что авторъ трактуетъ главнымъ образомъ о психологическихъ и нравственныхъ условіяхъ богопознанія или, — точнѣе сказать, — богосознанія и о нѣкоторыхъ другихъ матеріяхъ, близко соприкосновенныхъ съ этимъ предметомъ, а также и имѣющихъ къ нему довольно случайное отношеніе. Это — въ своемъ родѣ „взглядъ и нѣчто“. Неопредѣленностию задача, повидимому, обусловлена и случайность плана. Книжка состоитъ изъ пяти главъ. Въ 1-ой главѣ авторъ своей темой почему-то избралъ „значеніе философіи Спинозы“ (стр. 21- 43) и, стараясь оградить эту философію отъ различныхъ недоразумѣній и упрековъ, въ заключеніе приглашаетъ своихъ читателей, — „озлобленныхъ и ненавистниковъ, насквозь проникнутыхъ грубыми земными влеченіями, эгоизмомъ и холодной расчетливостью,“ — „отпустить заблужденія душъ Спинозы, кроткой и свѣтлой, возлюбившей Бога“ (стр. 43).. 2-я глава (стр. 43—63) надписывается: „Познание“. Здѣсь авторъ сначала утверждаетъ, что задача философскаго познанія „состоитъ не въ томъ, чтобы построить истины, но чтобы понять, *уразумѣть* истины самосущія“ (стр. 43); что „познаніе совершается процессомъ претворенія самосущихъ истинъ въ неотдѣлимый элементъ душевнаго бытія“ и съгдъ *„присвоеніе субъективному духу идеальной сущности*

разумодѣйствительности“ (стр. 44); а затѣмъ, поговоривъ о задачахъ философіи, о критицизмѣ и т. п., указываетъ значеніе идеи Божества для познанія (стр. 57 и сл.). 3-я глава (стр. 64—93) трактуетъ „сознаніе бытія Бога“ и образуетъ главное ядро книжки. 4-я глава (94—136) надписывается: „Путь жизни“. Содержаніе ея—довольно неопредѣленно: здѣсь говорится о задачахъ пѣлесообразнаго психологическаго изслѣдованія (стр. 94 и слѣд.), о нравственномъ назначеніи человѣка (стр. 109 и слѣд.), о цѣляхъ жизни (стр. 120 и слѣд.), о человѣческой грѣховности и отношеніи Бога къ людямъ (стр. 127 и слѣд.), въ заключеніе—призывъ къ усвоенію національной русскои культуры и національнаго міровоззрѣвія (стр. 136). Съ подобнымъ-же неопредѣленно-разнообразнымъ содержаніемъ в 5-ой глава: „Великое возлюбленіе“ (стр. 137—166). Открывается она изложеніемъ фантастической, будто-бы „старинной“, но, кажется, нигдѣ на самомъ дѣлѣ не существующей легенды о „чудномъ царствѣ мечты“, гдѣ „царить свѣтлая непорочная Дѣва, чистая и святая Истина“, объ „улыбкѣ міра“, о томъ, какъ „что-то страстное, человѣческое шевельнулось въ этой Дѣвѣ, и поцѣловала она съ великой жалостью и великой любовью“ жаждущихъ ея людей, которыми оказываются. . . философы (стр. 137—138); затѣмъ идетъ рѣчь о любви божественной (стр. 139—140), о супружеской любви, съ ея радостями и горестями (стр. 141 и сл.), о человѣчности (стр. 147—149), о состраданіи и т. п. При такой многопредметности содержанія, граничащей съ совершенной безпредметностью, книгу г. Герасимова, конечно, очень трудно представить въ краткомъ и наглядномъ изложеніи. Поэтому мы и ограничимся сдѣлать лишь приблизительнымъ укзаніемъ съ довольно случайнаго содержанія. Задачей-же настоящей замѣтки мы ставимъ познакомить читателей съ литературнымъ характеромъ этого произведенія и съ сущностью предлагаемой въ немъ „философіи“.

При чтеніи книги г. Герасимова прежде всего бросается въ глаза, какъ *первая* особенность, ея весьма припопыхтливый, *настически тонъ*. Трудно найти страницу, которая содержала бы въ себѣ спокойное разсужденіе безъ цвѣтловъ краснорѣчья, восклицаній и вопросовъ, мистичнхъ и т. п.

При этомъ авторъ обнаруживаетъ большую склонность къ туманнымъ и *мало понятнымъ фразамъ*. Вотъ взятый наудачу образчикъ изложения г. Герасимова, — рѣчь идетъ о значеніи философіи: „Въ минуты необычнаго напряженія душевныхъ силъ, въ эти рѣдкія минуты, когда *растворяется* душа, являя свое сокровенное, она вся загорается однимъ страстнымъ порывомъ познанія, однимъ вопросомъ къ вѣчности: въ эти мгновенія человѣкъ теряется для обыденной шумной площади жизни, уходитъ въ себя, открывається собѣ въ чистой сущности своего бытія, сознается собою, какъ объектъ вышняго воздѣйствія, какъ живая духовная единица, какимъ-то особеннымъ образомъ близкая къ истинамъ міра... Философское томленіе духа есть самое сильное душевное движеніе, влеченіе страстное и мучительное, — тоска вопрошенія, но оно приводитъ къ такому чистому наслажденію, къ такому душевному покою и ясности, которыя можетъ дать только безконечный источникъ, живой ключъ философіи, бьющій изъ горнихъ высотъ вѣчности“ (стр. 3). Или еще: „Въ великомъ безуміи человѣческой мудрости вознесена человѣческая личность и содѣяна она въ мѣру и разумъ міру; и въ своей не малой гордости безумство мудрости не видитъ всей пустоты и ничтожества человѣческой личности безъ осіянія ея вѣчной истиной. Но мудрость смиренія приступила къ тайнѣ и, воспріявъ ее, возсіяла въ истинѣ, — ибо тайна міра изъ вѣка явное сіяніе въ немъ отъ бытія Бога... Душа познала бытіе своего Бога, — и какъ-же было не узнать ей, какъ не понять, отчего такую зарею безконечнаго вѣдѣнія загорается бытіе, отчего такую ясною улыбкой (у автора вообще *улыбка* — одинъ изъ любимыхъ образовъ) переливается жизнь и такая глубокая радость въ тишинѣ и ясности вѣчности“ (стр. 74). И въ такомъ тонѣ, — безъ преувеличенія говорить, — написана *вся книга*. Есть, конечно, любители подобнаго чтенія; но нельзя сказать, чтобы обыкновенному серьезному читателю оно могло быть пріятно.

Вторая, тоже рѣзко бросающаяся въ глаза, особенность изложения г. Герасимова есть *браничивость* и довольно неумѣстныя *инсинуаціи* по адресу разночисельщиковъ — и часто совершенно чуждапрасну. Напримеръ, авторъ вдругъ почему-то вздумать огривать значеніе философской термино-

логи и критики понятій, въ точности которыхъ между тѣмъ всякій серьезный мыслитель видитъ одинъ изъ главныхъ залоговъ плодотворности философской работы:— и вотъ онъ заподозрѣваетъ несогласныхъ съ нимъ философовъ во враждѣ къ религіи и философіи: „въ человѣчески-несовершенныхъ наименованіяхъ вѣчныхъ истинъ, говоритъ онъ, для философа (разумѣется философа Герасимовскаго типа)—только ключи познанія, открывающіе сферы безконечнаго бытія... Есть однако много людей, которымъ доступны одни только эти наименованія и совершенно закрыта стоящая за ними безконечная сущность. Въ истинахъ міра имъ непонятенъ духовный блескъ вѣчной красоты, заставляющій сердце сжиматься въ тайной и глубокой радости о близости вѣковѣчнаго. Обыкновенно это—та категорія людей, для которыхъ и вся область религіознаго и философскаго познанія представляется пустою и безсодержательною, даже ложною въ самомъ своемъ основаніи“. Такими людьми у г. Герасимова оказываются философы, признающіе, во-первыхъ, необходимость критики познанія и, во-вторыхъ,—законность философскихъ традицій (стр. 4—5), т. е. какъ разъ самыя лучшіе представители здоровой философской мысли. Или, напримѣръ, справедливо указывая односторонность исключительно механическаго міровоззрѣнія, авторъ обвиняетъ,—разумѣется, незаслуженно,—всю т. н. научную философію въ недобросовѣстности, эгоизмѣ и жаждѣ популярности: „было-бы только заблужденіемъ, говоритъ онъ, думать, что этимъ людямъ нужна *истина*, хотя они обыкновенно и очень много говорятъ о ней. Она вовсе не нужна имъ, ибо имъ важно только утвержденіе своихъ теорій: они просто не понимаютъ ее, не понимаютъ ея великой сущности. Что для *взыскующихъ духовъ*—борьба, мученіе, свобода, побѣда... (слѣдуетъ еще нѣсколько подобныхъ-же ничего не значущихъ образовъ), то для „научно настроенныхъ“ умовъ только безразличные предметы собесѣдованія, вишніе ярлычки, указывающіе на принадлежность къ избраннѣйшимъ (?!), нѣкоторый дипломъ на возвышеніе надъ невѣжественными массами..... они только *себя возлюбили*, а вся ихъ работа, все ихъ служеніе проликуго только жаждой признанности, популярности, земной ничтожной славы“ (стр. 7)... Въ другомъ мѣстѣ онъ столь же безце-

ремонно заявляеть, что „знаменемъ науки прикрываются всевозможныя „научно обоснованныя“ измышленія пустыхъ и вздорныхъ людей (sic!), съ кондачка относящихся къ извѣтнымъ святинамъ духа“ (стр. 8—9). Между тѣмъ, если кому философія обязана болѣе всего своими положительными приобрѣтеніями, то именно этимъ „научно настроенымъ“ умамъ, не смотря на ихъ односторонность въ томъ или иномъ отношеніи, а отнюдь не подобнымъ г. Герасимову „взысующимъ духомъ“. Односторонность сознается со временемъ, и доктрина, освобожденная отъ односторонности, даетъ свой цѣнный вкладъ въ сокровищницу общечеловѣческаго міросозерцанія; а тѣ, кто, выбросивъ за бортъ науку, только „взыскають духомъ“, обыкновенно вгосять въ философію страшную путаницу и тѣмъ только лишній разъ компрометируютъ ее. „Душевное убожество“ (стр. 8. 14), „анломбъ невѣжества“ (стр. 10), „иден полупросвѣщенія, безбожія и зла“ (стр. 12), „пошлость, вилетающаяся въ мысль“ (стр. 15), „жалкое мелочное самолюбіе, позировка, ношеніе съ своимъ я“ (стр. 54)—такими отборными аттестаціями нагрждаетъ авторъ многихъ и многихъ представителей философской и научной мысли. И эту *бранчивость* г. Герасимовъ *возводитъ даже въ принципъ* говоря, что „на извѣстныхъ явленіяхъ нельзя останавливаться иначе, какъ съ крайней брезгливостью, съ неприятнымъ чувствомъ встрѣчи съ чѣмъ-то уродливымъ, нечеловѣческимъ:— необходимо относиться съ уваженіемъ ко всякому проявленію *мысли*, но не къ пошлости, вилетающейся въ мысль“ (стр. 15). Насколько это мирится съ литературными приличіями,—не говоря уже о справедливости,—пусть судятъ читатели.

Третью особенность автора составляетъ своеобразный *символизмъ его мышленія*. Иѣкоторые образы такъ настойчиво повторяются—и при томъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ требуется извѣстная философская точность,—что прямо являются своеобразными категоріями мышленія г. Герасимова. Наиболѣе излюбленныхъ образовъ у него два: „дѣвственность“ и „сіяніе“. Первый образъ обыкновенно характеризуетъ морально-эстетическій моментъ приближенія къ истинѣ, а второй—такъ сказать, теоретическій моментъ

водворенія истины въ сознаниі ¹⁾. Часто эти образы сливаются въ одинъ образъ „дѣвственнаго сіянія“, — поскольку морально - эстетическій и теоретическій моментъ овладѣнія истиной обыкновенно совпадаютъ другъ съ другомъ.

Любопытно, что „дѣвственность“ у автора не есть чисто отвлеченный символъ, случайно избранный образъ: г. Герасимовъ ставитъ этотъ свой гносеологическій символъ въ связь съ его реальнымъ, физическимъ или физиологическимъ значеніемъ, утверждая въ одномъ мѣстѣ, что развратъ и сладострастіе дѣлаютъ человѣка неспособнымъ къ воспріятно истины: „сколько отвратительной лжи, — говоритъ онъ здѣсь, — скрывается въ этихъ будто бы безпристрастныхъ отношеніяхъ къ вѣчнымъ истинамъ, на какихъ въ сущности жалкихъ извращеніяхъ души утверждаются скептическія построенія мысли. Въ особенности милы весьма обильные въ нашемъ сбившемся обществѣ скептики - пессимисты, извѣрившіеся въ жизни и ея высшемъ значеніи. въ дѣйствительности только *уязвимые циники*, пошедшіе искать жизненнаго счастья *въ сладострастіи и чревоугодіи, въ похоти и циничныхъ утѣхахъ* и въ концѣ концовъ безнадежно *потерявшіе возможность воспріять небесно прекрасное вѣчно-дѣвственное сіяніе истины*“ (стр. 15). Отголоскомъ этой связи является и своеобразный пластически - чувственный колоритъ выдуманной авторомъ и уже упомянутой нами „старинной легенды“, выясняющей сущность и природу истины. „Въ чудномъ царствѣ мечты, — читаемъ мы въ этой легендѣ, — царитъ свѣтлая, непорочная Дѣва, чистая и святая Истина. Люди, далекіе отъ нея, смутно чувствуютъ въ своей душѣ *какое-то тайное и недужное томленіе, что-то зоветъ и манитъ ихъ вдаль, на поиски свѣтлой Невѣсты... Она улыбается безконечно пріятливо...* Но не все могутъ узрѣть ее, хотя она, вѣчно-чистая, вѣчно святая, ждетъ всехъ въ своемъ лазурномъ чертогѣ. Пыные, грубые, падшіе въ сердца, сдрогаясь, подходятъ къ ней.... Были немногіе изъ приходившихъ къ ней. — чье сердце горѣло любовью

¹⁾ Считаю допущенъ оговориться, что за точность и ясность обозначенія и источниковъ мы не ручаемся символисты, — какъ поэтъ, такъ и философъ, — вообще трудно поддаются изготованно

²⁾ Здѣсь и въ ниже предлагаемыхъ выпискахъ курьеръ варь.

къ бѣжнмъ и тосковало объ ихъ горѣ и страданіи. И встрепенулась Дѣва, *что-то страстно, человѣческое шевельнулось въ ней и поцѣловили она ихъ съ великой жалостью и великой любовью...* Этотъ поцѣлуи *вспыхнулъ въ ихъ души чудною страстью*" (стр. 137). Пѣть нужды говорить о томъ, какъ неумѣстно, — на нашъ взглядъ, — разъяснять стремленіе къ истинѣ *подобными болѣе чѣмъ аналогіями*. Но у г. Герасимова этотъ разъ усвоенный имъ Standpunkt съ замѣчательной настойчивостью выдерживается въ очень многихъ мѣстахъ его книги. Отсюда у него, напримеръ, интересъ философскаго познанія обуславливается „*прозрачно-дѣйственной красотой*“ природы: по его словамъ, „нѣкая таинственная, неотразимая сила влечетъ нашъ взоръ къ этимъ живымъ безднамъ вселенной; въ нихъ зовутъ нашу душу близкое, родное, но въ то-же время такъ далекое, такъ недоступное ей; и въ этомъ ея движеніи къ небу есть что-то безконечно — грустное, *какъ слезы о минувшемъ счастьи, какъ проснувшійся въ душѣ шопотъ когда-то милыхъ и живыхъ словъ любви и ласки*“ (стр. 2). Отсюда „вѣчно живыя (?) истины“ — „безконечно новы и юны во всемъ *сіяніи* своей чистой *дѣйственной* красоты“ (стр. 57); „вѣчно праводные лучи божественнаго *сіяютъ* на міръ *цѣломудренною* красою“ (стр. 76); „душа просвѣтляется въ вѣчно *дѣйственной* красѣ челоуѣчности“ (стр. 141). Этотъ-же символъ употребляетъ авторъ и при выясненіи истиннаго счастья: „кто отривуль отъ себя *похотливыйя вождельнія*, побѣдилъ силу завлекающихъ страстей, презрѣлъ предметы счастья, предлагаемые *развращеннымъ* духомъ жизни челоуѣческой, и оцѣнилъ чистую жизнь, открываясь ей всѣмъ сердцемъ, — къ тому снизойдетъ она, негаданная, *какъ свѣтлая невѣсти міра, сіяющая* и радостная и *обовѣтъ* всѣмъ *счастьемъ* своей *непорочной ласки* страстно *завываго и молившаго ее*“ (стр. 124). Объясненіе природы, по мнѣнію г. Герасимова, дается не въ точныхъ научныхъ понятіяхъ, „не въ смугныхъ образахъ нашего земнаго пониманія“, а происходитъ посредствомъ подобныхъ-же ласкъ дѣйственной природы: „лаская нашу душу... жизнь улыбнулась сама себѣ, — такъ хороша была она въ *дѣйственной зарѣ* своего счастья; природа въ *стыдливомъ* *сознаніи* безконечной красоты своей оуывалась

яркостью красокъ, и образы *страстнаго, зовущаго желанія* воплощались въ формы и очертанія“ (стр. 152)... Подобными символами безъ конца пересыпаны почти все разсужденія автора.

Другой образъ, — „сіяніе“, — не менѣе часто употребляется авторомъ кстати и не кстати при раскрытіи разныхъ гносеологическихъ подробностей своихъ воззрѣній. Богопознаніе есть плодъ проникающаго душу какого-то особеннаго „луча“ (стр. 75). „Пламенемъ вѣчныхъ истинъ, святостью любви и праведности въ вѣнцѣ міра *сіяетъ* божественное“ (стр. 78). „Въ чудномъ *сілніи* славы разверзаются небеса, и, какъ Божья вѣсть, льется въ міръ *лучами* вѣчной истины, любовью вѣчной Божеской думы правда Бога“ (стр. 80)... „*Возсіяла* въ душѣ идея божественной правды преображаетъ человѣка въ высокаго судію міра“ (стр. 82). „Надъ жизнью міровъ *сіяетъ* святая, божественная дума. извѣчное благословеніе Бога *зажигаетъ* въ мірѣ красоту и жизнь и *святитъ въ душу* вѣчной любовью и милостью“ (стр. 82—83). „Душа, сознающая бытіе Бога, окружена такимъ священнымъ *сіяніемъ* любви и славы, что за эту черту безъконечной *свѣтлости* не проникаетъ уже ничто изъ всего гнотущаго и мучащаго другихъ людей, непросвѣщенныхъ и невѣдущихъ истины“ (стр. 83). „Основую широкаго психологическаго изученія (sic) должно служить изслѣдованіе..., простирающееся на то особенное проявленіе душевной жизни, въ которомъ душа вся внутренно радуется *въ лучахъ* безконечности и въ своемъ самосознаніи уже теряетъ ощущеніе земнаго и становится непосредственно лицомъ къ лицу съ вѣчнымъ, нетѣльнымъ и небесно-прекраснымъ“ (стр. 99). ¹⁾ Душа настоящаго, „Божьяго“ человѣка „претворена въ ея божественную идею (?) и вѣчно *святится передъ Господомъ неугасимой лампадой любви и познанія*“ (стр. 127). И такъ далѣе — громадное множество разъ. Это надобдливое однообразіе символовъ, всегда крайне неточныхъ, а иногда и весьма темныхъ, не смотря на свою „сіятельность“, невольно выставляетъ автора человѣкомъ съ болѣзненнымъ мышленіемъ, страдающимъ своего рода навязчивыми идеями...

1) Мало только будетъ изъ такой оригинальной психологіи.

Кромѣ символовъ — „дѣвственности“ и „сіянія“ авторъ слишкомъ злоупотребляетъ эпитетами „вѣчный“ и „безконечный“, которые, — за невозможностью понимать ихъ въ точномъ значеніи, — надо тоже отнести къ символамъ. Другіе тоже весьма многочисленные символы не такъ часто повторяются. Съ сферой символическаго мышленія авторъ, повидимому, до того сроднился, что одолеваетъ своимъ представленіемъ образы, совершенно невозможные для обыкновеннаго здороваго воображенія и мышленія. Поистиннѣ декадентской лирикой звучать, напр., слѣдующія строки: „Въ святомъ воспламененіи приступаетъ душа наша къ священнодѣйствию созерцанія божественности. За безконечнымъ сіяніемъ божественной славы, за вѣчными огнями божественной праведности *незримо видитъ она*, невысказанно чувствуетъ живое присутствіе Господа, Бога силъ, Бога истины, Бога правды. Въ великомъ моментѣ откровенія прозрѣвая въ тайное зиждительство міра, душа наша, *ослѣпленная незримымъ блескомъ, пораженная незвучнымъ шумомъ и гуломъ волнъ огненныхъ силъ*, отступаетъ въ страхъ предъ неизобразимостью, непостижимостью вѣчныхъ силъ Божіихъ“ (стр. 67). И такихъ примѣровъ тоже не мало...

Невольно спрашиваешь, читая произведеніе г. Герасимова: неужели подобные люди воображаютъ, что они *мыслятъ*, предаваясь подобнымъ словеснымъ упражненіямъ? — Къ сожалѣнію воображаютъ, да еще съ претензіями судить другихъ мыслителей съ общепризнанной репутаціей серьезности и основательности. Въ особенности жаль, что въ нашемъ отечествѣ, гдѣ философія еще такъ молода, а философская литература малочисленна, появляются такіе продукты, компрометирующіе и философію, и философскія способности русскаго ума.

Но попытаемся, отрѣшившись отъ впечатлѣнія литературныхъ пріемовъ г. Герасимова, разсмотримъ, что-же такое его „философія“ по самому своему *существо*, по своему *идейному содержанію* и своимъ *научнымъ основамъ*.

Задачу философіи авторъ полагаетъ въ томъ, чтобы „уяснить предсущую идею и предначертаніе души, уразумѣть истины самосуція“ (стр. 43). Трудно вложить какой-нибудь опредѣленный смыслъ въ это опредѣленіе; но, имѣя

въ виду особенности мышленія г. Герасимова, мы изъ сопоставленія различныхъ мѣстъ его книги можемъ видѣть, что отъ этимъ неудачнымъ опредѣленіемъ хочеть указать на *интуитивный характеръ* философскаго познанія: содержаніе философіи черпается изъ внутренняго опыта и построяется по врожденнымъ нашему духу идеямъ (ср. стр. 46. 47. 49. 53 и др.). Съ этой точки зрѣнія нѣсколько понятнымъ становится и его, — тоже, конечно, неудачное, — *опредѣленіе познанія*: „уразумѣніе, говоритъ онъ, какъ извѣстное присвоеніе субъективному духу идеальной сущности разумодѣйствительности, и есть суть познанія; моментъ уразумѣнія есть восполненіе души въ истинности чрезъ разрѣшеніе въ ней міровой истины“ (стр. 44); — авторъ хочеть сказать, что познаніе есть выясненіе заложенныхъ въ самой структурѣ разума началъ. *Метафизику* авторъ не считаетъ наукой: „по самому существу своему, говоритъ онъ, метафизика — не наука; она есть познаніе сверхъчувственнаго, тогда какъ область чистой науки (безъ научнаго философствованія) есть сфера познанія чувственнаго“ (стр. 11). Здѣсь, по крайней мѣрѣ, все ясно, хотя и не вѣрно. Легко понять, что, имѣя такой изглядъ на философію, г. Герасимовъ не нуждается ни въ какомъ *методѣ* философскаго познанія. Если истина присуща нашей душѣ, то, слѣдовательно, надо только искренно раскрыть свою душу или, какъ выражается авторъ, „открыться истинѣ“. „Познаваніе, говоритъ онъ, понятое во всемъ его вѣчномъ значеніи, есть великій подвигъ, великое испытаніе. Истина тайно дышетъ, и нужно постичь ее, нужно открыться ей всею волею добра, всею своимъ разумѣніемъ правды... Не съ суетнымъ желаніемъ открыть истину работаетъ философъ, его единственная цѣль — *открыть свою душу воспріятію истины*, и это дѣйствованіе его души есть ея движеніе къ своему первоисточнику, очистительное освобожденіе себя отъ всего нечистаго, что въ обычномъ заблужденіи ставится, какъ нервоцѣль и перво-смысль душевной жизни“ (стр. 64).

Итакъ, предъ нами *интуитивная философія, отказывающаяся отъ научнаго и методическаго исканія истины*. „Человѣку, говоритъ авторъ, дарована область *свободнаго*

вѣдѣнія и эта *свобода его въ познаніи* ¹⁾—его счастье и его подвигъ“ (ibid.). На мѣсто научнаго *метода*, гарантирующаго общезначительность философскихъ выводовъ, авторъ ставитъ „свободу вѣдѣнія“, т. е., —на нашъ взглядъ, — *произволъ личнаго усмотрѣнія*. Такого рода умозрѣнія и полученныя такимъ путемъ построенія могутъ быть названы философіей только въ томъ смыслѣ, въ какомъ иногда называются, —конечно, въ шутку, — послѣобѣденныя благодушныя мечтанія „философскими“. Настоящее-же имя этой философіи—*плоды празднои фантазіи*. Нужно быть очень невысокаго мнѣнія объ умственныхъ способностяхъ своихъ читателей, чтобы серьезно рассчитывать на ихъ сочувствіе такому „философствованію“, да и самому надо быть слишкомъ самообольщеннымъ, чтобы не видѣть истинной цѣнности его.

Такова „философія“ г. Герасимова по своему *существованію* и своимъ основнымъ тенденціямъ.

Если мы, какъ предположили, обратимся къ ея *идейному содержанію*, то насъ поразитъ ея идейная бѣдность. Богатство красокъ и образовъ въ изложеніи не есть результатъ богатства и глубины мыслей. Ядро книги, — 3-я глава, —представляетъ только лирическое переложеніе той мысли покойнаго В. Д. Кудрявцева, что Божество извѣстно намъ непосредственно, и что идея Божества предполагаетъ особое дѣйствіе Его на нашъ духъ (ср. стр. 66. 70). Ссылки свои на В. Д. Кудрявцева авторъ дополняетъ еще ссылками на В. А. Снегирева, Розанова, Свѣчина, Орфано и Хомякова. Нельзя сказать, чтобы эта заимствованная идея была понята правильно и раскрыта убѣдительно. Напротивъ, намъ кажется, что В. Д. устыдился-бы такого послѣдователя и пропагандиста: вмѣсто серьезныхъ и разумныхъ разъясненій авторъ даетъ только патетическіе возгласы, да темные образы „цѣломудренно-дѣвственнаго сіянія“. А въ концѣ 2-ой главы, имѣющемъ близкое отношеніе къ предмету 3-ей, авторъ, —вѣроятно, по недоразумѣнію, —провозглашаетъ даже такой тезисъ, который совершенно идетъ въ разрѣзъ съ этой идеей непосредственной извѣстности Божества для человѣческаго духа и род-

¹⁾ Курсивъ нашъ

нить философію г. Герасимова съ агностицизмомъ. „Абсолютное, говорить онъ, *все исключаетъ собою, ничьмъ не ограничено, безусловно отлично отъ всего и потому безусловно не связано съ чьмъ-либо*“ (стр. 60 — 61) ¹⁾. Для послѣдователя Спенсера этотъ тезисъ годился-бы, но для приверженца В. Д. Кудрявцева онъ звучитъ весьма странно. Въ другихъ главахъ книги подобнымъ же образомъ лирически перерабатываются нѣкоторыя идеи преосв. Антонія Храповицкаго, Достоевскаго, Хомякова, Розанова и др., — опять тоже не всегда съ яснымъ пониманіемъ. И здѣсь мы должны сказать, — имѣя въ виду главнымъ образомъ литературные приемы г. Герасимова и его склонность замѣнять логическіе аргументы комментируемыхъ авторовъ собственными патетическими упражненіями, — что едва-ли перечисленные мыслители (кромѣ, впрочемъ, г. Розанова) остались-бы довольны такимъ послѣдователемъ ²⁾.

Что касается *научныхъ основъ* „философіи“ г. Герасимова, то ихъ, собственно говоря, *нѣтъ*. По своимъ гносеологическимъ принципамъ, авторъ не нуждается въ научно-логическомъ оправданіи своихъ воззрѣній. И тамъ, гдѣ онъ развиваетъ свои положительныя теоріи, онъ благополучно обходится безъ этого пособія. Но есть у него, какъ мы видѣли, одна глава философско-историческаго характера, — трактующая о философіи Спинозы. Здѣсь, кажется, ужъ невозможно руководиться „свободою вѣдѣнія“ и интуиціей, а требуется держаться нѣкоторыхъ признанныхъ въ наукѣ данныхъ. Вотъ здѣсь-то и обнаруживается, *какъ смутны свѣдѣнія автора по исторіи философскихъ ученій и философскихъ понятій*. Авторъ, если судить по цитаціи, знакомился съ курсами по исторіи философіи Виндельбанда, Ибервега-Гейнце и Куно-Фишера (ср. стр. 23, 25, 30, 33) и, можетъ быть, читалъ даже самую „Этику“ Спинозы (стр. 28, 32, 35, 36, 38, 39). Но какъ

¹⁾ Курсивъ нашъ.

²⁾ Считаемо необходимымъ отмѣтить, что къ Розанову авторъ относится съ такимъ большимъ вниманіемъ (ср. стр. 38, 58, 68), которое, — при нѣкоторомъ идейномъ сходствѣ и главнымъ образомъ при сходствѣ литературныхъ приемовъ (возьмите, напр., послѣднія статьи г. Розанова противъ Вл. С. Соловьева), — даетъ право считать г. Герасимова литературнымъ подражателемъ г. Розанова.

онъ воспользовался этимъ знакомствомъ! Первою своею задачей онъ ставитъ рѣшеніе вопроса,—„въ какой мѣрѣ правильно истолкованіе ученія Спинозы въ духѣ пантеизма или атеизма“ (стр. 22). Здѣсь, полемизируя съ Виндельбандомъ, онъ главнымъ образомъ настаиваетъ на томъ, что основныя идеи въ философіи Спинозы,—Богъ, вѣчность, божественная любовь,—*для насъ* мыслимы только въ ихъ *теистическомъ* значеніи (ср. стр. 23. 24. 25); но едва-ли пужно говорить, что въ данномъ случаѣ важно не то, какой смыслъ г. Герасимовъ соединяетъ съ извѣстными философскими понятіями, а какой соединялъ самъ Спиноза. Далѣе, здѣсь-же онъ отрицаетъ законность классификаціи философскихъ ученій, вообще, по направленіямъ и основнымъ идеямъ и, въ частности, даетъ такое истолкованіе понятій пантеизма и теизма, что они почти совпадаютъ;—это и даетъ ему возможность оправдать Спинозу отъ упрековъ въ пантеизмъ (ср. стр. 26—28). Съ помощью такихъ пріемовъ можно что угодно доказывать и опровергать; но кто знакомъ съ исторіей философіи, тотъ только удивится этому безцеремонному отношенію къ философскимъ понятіямъ,—вѣдь они имѣютъ строго опредѣленный, исторически установившійся смыслъ, а не могутъ быть наполняемы произвольно-фангастическимъ содержаніемъ. Въ подобномъ-же родѣ рѣшаетъ авторъ и другой свой вопросъ,—„не есть-ли философія Спинозы совершенное выраженіе цѣли, метода и сущности истинно философскаго міропониманія“ (стр. 22). Въмѣсто точныхъ понятій и общепризнанныхъ научныхъ данныхъ онъ предпочитаетъ оперировать надъ собственными измышленіями. Очевидно, что и въ исторіи философіи онъ основнымъ руководящимъ принципомъ считаетъ тоже „свободу вѣдѣнія“...

II. Тихомировъ.
